

---

## ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ FOREIGN EXPERIENCE

---

УДК 342(4/9)

**С. А. Телешун,**  
*доктор политических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки и техники Украины,  
заведующий кафедрой политической аналитики и  
прогнозирования Национальной академии  
государственного управления  
при Президенте Украины*  
**И. В. Рейтерович,**  
*кандидат политических наук, доцент,  
доцент кафедры политической аналитики и  
прогнозирования Национальной академии  
государственного управления  
при Президенте Украины*

### РОЛЬ ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

#### Аннотация

*В статье рассмотрены особенности формирования глобальной элиты как своеобразного центра разработки и принятия стратегических решений, касающихся развития всей мировой цивилизации, определены характерные черты глобальной элиты, а также проанализирована роль транзитивных обществ в формировании глобальной элиты на опыте постсоветских стран.*

**Ключевые слова:** *глобализация, элита, глобальная элита, транзитивное общество, транзитивное государство, политика, трансформация, модернизация.*

#### Аңдатпа

Мақалада бүкіл әлемдік өркениеттің дамуына қатысты стратегиялық шешімдерді әзірлеу мен қабылдаудың өзіндік орталығы ретінде ғаламдық элитаны қалыптастыру ерекшеліктері қарастырылған, ғаламдық элитаға тән белгілер анықталды, сондай-ақ посткеңестік елдердің тәжірибесінде ғаламдық элитаны қалыптастырудағы транзиттік қоғамның рөліне талдау жасалған.

**Тірек сөздер:** *ғаламдану, элита, ғаламдық элита, транзитивтік қоғам, транзитивтік мемлекет, саясат, жаңғырту.*

#### Abstract

The article illustrates the features of global elite formation as a unique center of developing and strategic decision-making in relation to the world civilization development. The characteristic features of global elite are defined. It is analyzed the role of transitive societies in global elite formation on the experience of post-Soviet countries.

**Key words:** *globalization, elite, global elite, transitive society, transitive state, politics, transformation, modernization.*

Мир нуждается в изменениях. Мир изменяется. Мир изменился. Это те тезисы, которые сегодня являются не просто доминирующими в мировом информационном пространстве, но и в полной мере отображают общественные настроения и ожидания большинства людей планеты. Поиск народами, нациями и государствами новых форм сосуществования, реализация ими политических, экономических, социальных, гуманитарных проектов приводит к острым системным конфликтам и кризисам, которые провоцируют структурные изменения, как в отдельных регионах, так и в целом на планете. Кризис старого мирового порядка не является проблемой развития цивилизации, проблемой является отсутствие моделей поведения национальных государств в новых условиях не всегда стабильной мировой политико-экономической системы и прогнозируемая реакция и действия на мировые вызовы XXI века. В этих условиях социально-экономические кризисы, техногенные катастрофы,

кибернетические войны, региональные конфликты, «социально-сетевые революции», перераспределение ограниченных природных ресурсов еще раз подтвердили тезис о формировании основ новой политической культуры и новых общественно-информационных отношений. Центральное место в формирующемся миропорядке, который, прежде всего, характеризуется неразрешенным конфликтом между глобализацией и национальной самоидентификацией, должна занять новая глобальная элита – как своеобразный центр разработки и принятия стратегических решений, касающихся развития всей мировой цивилизации. Наиболее актуальными проблемами, которые требуют первоочередного внимания новой глобальной элиты, являются:

- разработка нового механизма «воспроизводства» элит, расширение ее социального базиса. Данный механизм должен учитывать, с одной стороны, общемировые, глобальные тенденции (в первую очередь связанные с принципами транспарентности и толерантности), с другой стороны – национальные особенности государств (религиозные, моральные, культурные);

- необходимость модернизации социального лифта, создание фактически новой культуры социальных отношений. Наиболее актуальной проблемой в данном контексте является необходимость разработки демографической концепции или программы «двух полюсов» – интеграции молодежи в социально-экономическую и политическую систему с параллельным сохранением позиций людей пенсионного возраста, формирование оптимального баланса, позволяющего минимизировать социальную нереализованность, порождающую в свою очередь агрессию, депрессию и т.п.;

- разработка и внедрение новой системы государственного (публичного) управления, что, в свою очередь, предусматривает адекватный нынешним реалиям план социально-экономических и политических реформ.

При этом необходимо учитывать, что сегодня традиционное понятие элиты как привилегированной группы общества, наделенной особыми психологическими, социальными и политическими качествами – уже давно в прошлом. Тезис о том, что «нация не может существовать исключительно из «народа», ибо ей настоятельно требуется избранное меньшинство» [3, с. 360] в значительной мере потерял как свою актуальность, так и привлекательность.

В частности, раньше особую роль при формировании элиты играли такие факторы, как происхождение, «особое» образование, влияющее на формирование соответствующих компетенций, стиль жизни, политические и экономические ресурсы. Сейчас же, в силу как объективных, так и субъективных тенденций (глобализация, которая сделала высшее образование более доступным, формирование глобальной молодежной субкультуры, общей для разных социальных слоев населения, демократический транзит в постсоциалистических странах, в результате которого часть новой элиты «сделала себя сама») на первый план повсеместно выходит контроль ресурсов. При этом речь идет не только о политическом или экономическом ресурсе (в их классическом понимании), но и об информационном, человеческом, временном ресурсе. Последние рассматриваются через призму новой методологии, которая учитывает глобальные тенденции развития мультимедийного общества. Именно данный контроль выступает главным условием принадлежности к элите, частично нивелируя изначальный смысл, заложенный в данное понятие.

Соответственно, сегодня элита воспринимается подавляющим большинством граждан во многих странах (даже тех, которые могут рассматриваться в качестве эталона «элитостроительства») либо как «необходимое» /«меньшее»/ зло – на региональном, национальном, глобальном уровне, либо как объект, не вызывающий повышенного интереса. Правда, показательно, что в последнем случае это не касается ситуаций, связанных с личной жизнью политиков или крупных бизнесменов, их участия в светских мероприятиях. Во многом сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в странах с сильными демократическими традициями граждане сами в состоянии предложить векторы решения возникающих проблем, разработать механизмы решения и внедрить их в практическую плоскость, воспользовавшись институтами и инструментами, которые предоставляет им гражданское общество. Показательно, что политические элиты США и Европейского Союза сегодня – это «лидеры» в классическом политологическом понимании этого слова, как правило, исключительно в политической и военной сфере, в меньшей мере – сфере экономической. В инновационном социальном управлении они, не смотря на сохраняющийся достаточно

высокий уровень социальных стандартов – аутсайдеры, поскольку научная и творческая интеллигенция, институты гражданского общества – намного более действенные, мобильные и реальные провайдеры в разработке и внедрении программ модернизации социально-гуманитарного блока. В свою очередь в государствах переходного типа всегда существует запрос на новую политическую элиту, которая, по мнению граждан, должна быть более радикальной, быстрее реагировать на новые вызовы, прежде всего – социально-экономического характера. Отметим, что результаты последних парламентских выборов в Украине в значительной мере подтверждают данный тезис, поскольку многие граждане голосовали именно за радикализм, который предлагает простые ответы на сложные вопросы.

Вместе с тем, повышение уровня коммуникаций в ходе глобализации на всех уровнях способствует формированию новой глобальной элиты на основе сплочения различных национальных и даже региональных политических, экономических и административных элит. Основой для данного сплочения выступает, во-первых, общность образа жизни, во-вторых, общность интересов (как политико-экономических, так и личностных – например, желание сохранить status quo, сформировать некую преемственность в будущем, расширить свое влияние и т.п.). Кроме того, следует учитывать, что «запрос» в обществе на элиту остается, поскольку в западных странах наблюдается некоторое раздражение по отношению к так называемым «интеллектуальным кругам», которые оказались неспособными адекватно ответить на новые вызовы и угрозы. Соответственно, кризис либерализма способствует реанимации консервативных и радикальных традиций, наиболее ярким выразителем которых и является элита.

По мнению классика не только американской, но и мировой политической науки З. Бжезинского, своеобразная глобальная элита с глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью на сегодняшний день уже сформирована. Эта новая глобальная элита не просто свободно говорит по-английски (как правило, в его американском варианте), но и использует его для продвижения своих идей, характеризуется высокой мобильностью, космополитическим образом жизни и преданностью своему месту работы (как правило, это какая-то транснациональная компания либо финансовая корпорация). Эта элита способствует появлению глобальной общности, интересы которой заключаются в стабильности, процветании и, возможно, в конце концов – демократии. При этом новая реальность характеризуется укреплением личных связей иностранных политических деятелей и топовых бизнесменов с США. В значительной мере это связано с тем, что многие из них учились в американских университетах. Более того, обучение в ведущем американском университете в последнее время стало фактически необходимым для представителей элиты даже в таких странах, как Франция, для которых свойственны интеллектуальные традиции и сильное чувство национального достоинства. Распространение этой практики на Российскую Федерацию и Китай, по мнению З. Бжезинского – лишь дело времени [1, с. 122], в то время как новые страны ЕС уже давно в русле данной тенденции, особенно в контексте разнообразных программ по обмену опытом и т.п. В целом концентрация новой элиты на США является неявным признанием того, что даже глобальная общность требует наличия центра идей и интересов, фокусной точки кристаллизации определенных форм консенсуса.

Соглашаясь во многом с З. Бжезинским касательно формирования глобальной элиты, все же отметим, что финансово-экономический кризис, а также ожидания его второй волны, актуализировал пять показательных тенденций, которые несколько ускользнули от внимания американского политолога и государственного деятеля (если данное «ускользание» именно случайное, а не сознательное, связанное с идеологически-политическими мотивами).

Во-первых, понимание глобальной элиты, предложенное З. Бжезинским, базируется на теории и практике XX века (вместе с тем, показательное, что альтернативной концепции с достаточным уровнем аргументации пока что предложено не было, хотя данному вопросу уделяли внимание и другие исследователи, в частности, Ф. Фукуяма, Д. Фридман). В целом, данное понимание четко ложится в идеологическую парадигму, одним из авторов которой и выступал З. Бжезинский. Однако то, что было действительно и «модно» во времена «холодной войны», не обязательно сработает в новых социально-экономических и политических реалиях. Фактически речь идет о модифицированной советской модели формирования псевдоглобальной (интернациональной) элиты, которая должна была ориентироваться на СССР. Характерные черты данной модели – прежде всего, обучение в советских институтах и университетах иностранных студентов, которые в будущем должны были занять высокие

посты у себя на родине в системе государственного управления, армии и т.д. Вместе с тем, данная модель в США уже сейчас дает некоторые сбои, в частности в контексте лояльности новой элиты (показательно, что многие лидеры террористов учились в США, что не мешало им в будущем позиционировать эту страну как «империю зла и порока»).

Кроме того, тот факт, что у концепции З. Бжезинского масса сторонников (в США в первую очередь среди членов Республиканской партии и «экспансионистского» крыла Демократической партии, в мире – среди значительной части национальных элит транзитивных государств) свидетельствует об общем кризисе элиты, которая не способна выработать новые механизмы влияния и взаимоотношения с обществом.

Во-вторых, не следует забывать про усиливающийся так называемый «разлом по хребту», который характеризуется усиливающимися разногласиями между США и ЕС по многим глобальным вопросам социально-экономического и политического развития. Причем в значительной мере данные расхождения имеют в своей основе различия между элитными группами стран и их видения будущего мирового порядка. Некоторые «старые» члены ЕС – в частности, Германия и Франция, все более явно демонстрируют недовольство агрессивной внешней политикой США, которые стараются навязать свои ценности, в том числе и Европейскому Союзу (например, путем влияния на страны Центрально-Восточной Европы). В свою очередь, некоторые «молодые» члены ЕС под влиянием финансово-экономического кризиса и той роли, которую сыграли в нем США, частично разочаровались в американской экономической и социальной модели, на которую ранее ориентировались.

Фактически, единственной страной в Европе, которая в полной мере разделяет политику США, остается Великобритания (что не удивительно, учитывая традиции взаимоотношений двух стран после Второй мировой войны, а также тот факт, что Великобритания, по словам Нобелевского лауреата Д. Стиглица, фактически имитирует американскую модель социального неравенства – 30 лет назад там был средний уровень неравенства среди промышленно развитых стран, сегодня она занимает второе место после США).

В-третьих, следует отметить усиление второго центра возможного формирования глобальной элиты, а именно Китая. Однако пока что это вопрос больше теоретический, чем практический, поскольку Китай не в состоянии сегодня предложить понятную и привлекательную программу социально-экономических, политических и гуманитарно-идеологических изменений, которая бы позволила элитам других стран переориентировать свой вектор интеграции и выбрать в качестве своего ядра Пекин. Более того, миф о «китайском пути» требует существенной доработки, поскольку его основу – китайский национализм – невозможно интегрировать в политико-экономическую и культурно-гуманитарную практику других стран.

В данном контексте США обладают апробированным набором штампов, стереотипов и реальных механизмов, которые понятны и привлекательны как на Западе, так и на Востоке. Однако при этом этот набор уже сейчас является устаревшим, что и продемонстрировал финансово-экономический кризис. Поэтому интрига формирования глобальной элиты заключается не только в центре принятия решений будущего «объединения», но и в принципах, на которых оно будет создаваться и в дальнейшем функционировать.

Также следует отметить, что на роль альтернативных центров формирования глобальной элиты в отдаленном будущем могут претендовать Российская Федерация, Япония, Польша, Казахстан, а также Турция. Вместе с тем, указанные страны изначально ограничены именно в возможности глобального влияния. Это связано с различными причинами. Например, Япония в значительной мере исповедует комбинированную модель социально-экономического и политического развития, в основе которой находятся конфуцианские принципы и западный корпоративизм. Однако в результате такого симбиоза она не стала привлекательной ни для Востока, ни для Запада, поскольку роль национальных традиций, характерных исключительно для японцев, в данной модели осталась очень существенной. В свою очередь Российская Федерация, ориентируясь в своем развитии в значительной мере на православную модель, вынуждена параллельно учитывать усиливающийся исламский фактор. В результате ее цивилизационная парадигма может быть привлекательной в основном для тех стран, которые в своем развитии также сталкиваются с похожими рисками и вызовами. Что касается Польши, Турции и Казахстана, то на данный момент речь скорее может идти не столько о глобальном, сколько о региональном либо межрегиональном лидерстве, формирования своеобразных «зон влияния».

В целом, региональное лидерство вышеуказанных стран имеет определенные перспективы в будущем перерасти в глобальное, однако только после решения ряда внутренних проблем (например, для Казахстана актуальным остается вопрос дальнейшего формирования национальной и цивилизационной идентичности) и исключительно в контексте концепции так называемых «миров» (парадигм). В частности, речь идет о «Русском мире», «Конфуцианском мире», «Тюркском мире», «Евразийском мире», «Младоевропейском мире», которые сотрудничают или противостоят «Американскому миру», «Европейскому миру» и так далее.

В-четвертых, необходимо учитывать, что циклы формирования и функционирования новой глобальной элиты не обязательно совпадут с внутренним американским циклом. Это связано с тем, что для США цикличность элитных изменений в среднем составляет 50 лет, в Европе – около 100 лет, а в транзитивных государствах, в том числе Восточной Европы – 20–25 лет. Учитывая динамику глобальных изменений и вызовов, не исключено, что временной фактор для новой глобальной элиты может стать одним из определяющих.

В-пятых, на фоне вышеуказанных процессов формирования новой глобальной элиты открытым остается чрезвычайно актуальный вопрос касательно возможности инкорпорации в новую элитную общность элитных групп транзитивных государств. Это связано с тем, что реализовываться новая глобальная элита сможет только при условии эффективной конкуренции (внутренней и внешней), а также своего постоянного обновления, в том числе – за счет частичного поглощения либо эксплуатации «периферийных» элит.

Сегодня транзитивное государство представляет собой общество переходного периода, которое характеризуется неустойчивостью и неравномерностью протекающих социальных процессов, изменением большинства социальных категорий и норм, постепенным утверждением новых социальных отношений. Вместе с тем, транзит, как правило, характеризуется повышенной инновационной активностью в различных сферах.

В целом содержание термина «транзитивное общество» подразумевает динамический переход к обществу с относительно стабильной структурой, однако этого не произошло на постсоветском пространстве в полной мере. Это, в частности, вызвано проблемами, порожденными глобализацией, поскольку процессы политической демократизации и экономической либерализации изначально переплелись с процессами глобализации мировой экономики, которые диктуют единые экономические правила, общие стандарты потребления, близкие культурные нормы, правила социального регулирования и политического поведения стран с разными культурными, историческими и политическими традициями.

Разработки американских и западноевропейских исследователей, посвященные роли политической, экономической и административной элиты в условиях постсоциалистических трансформаций, в целом опирались на разработки, которые были осуществлены в границах теории модернизации и транзитологической парадигмы. Принимая во внимание, что центральным понятием транзитологии является политический транзит (переход), под которым понимают социальные и институциональные изменения, которые, в свою очередь, прокладывают путь замене авторитарных методов правления демократическими, значительная часть представителей американской и западноевропейской политической школы основное внимание уделяли, прежде всего, проблемам становления партийной системы, институтов гражданского общества в государствах переходного типа и т.п. В то же время оказалось, что процессы формирования элиты в переходных государствах часто происходили с существенными отклонениями, что не могло не повлиять в дальнейшем на способность новосозданной элиты инкорпорироваться в глобальную систему.

В странах Центрально-Восточной Европы основным источником формирования новой политической элиты стала «революционная улица», т.е. рабочие, служащие, представители творческой интеллигенции, лидеры массового демократического движения и научные работники, консолидирующим принципом для которых было отрицание предыдущего режима и предыдущих лидеров страны. В определенной мере ими двигала «обида» на предыдущий режим, однако со временем новые лидеры смогли стать, по выражению В. Гавела, моральными лидерами [9, с. 4], соединительным звеном между государством и гражданским обществом. При этом показательно, что недостаток опыта политической и государственной деятельности в условиях демократического транзита рассматривался скорее как плюс, а не минус [8, с. 74].

Показательно, что бывшие диссиденты в Польше и Чехии (В. Гавел, Л. Валенса) не только возглавили демократическое движение, но и со временем сумели занять большинство ключевых должностей в системе государственного управления. Конечно, и в странах Центрально-Восточной Европы старая номенклатура, движимая инстинктом самосохранения, также приняла участие в трансформационных процессах и сумела в определенной мере сохранить свои политические позиции. Однако в целом эта номенклатура отказалась от устаревших подходов к работе в условиях функционирования демократического государства. Из-за этого на начальном этапе политической трансформации и экономического перехода власть была отделена от собственности. Бывшие члены коммунистических партий, которые занимали высокие должности, пошли в бизнес, оставив политику и государственное управление. Важную роль в этом сыграла люстрация, которая в результате существенно снизила масштабы теневой приватизации (например, в Польше и Венгрии), особенно если сравнивать со странами бывшего СССР.

Вместе с тем, экономическая и политическая элита постсоветских стран – прежде всего Украины и Российской Федерации – является неоднородной по своим политическим и идеологическим взглядам, а также профессиональным качествам, что связано как с объективными, так и субъективными причинами. Объективные обстоятельства связаны с тем, что «развал самого большого государства мира происходил в обстановке нарастающего нигилизма, отрицания прошлых достижений и даже самой истории, культуры, патриотических традиций народа» [4, с. 3]. Субъективный фактор связан с каналами формирования новой элиты – она состоит из представителей старой партийной номенклатуры, специальных служб, криминалитета, части интеллигенции и так называемых «новых бизнесменов». Механизмы ее формирования и взаимоотношения с обществом (в частности, моральные принципы либо социальная ответственность) в значительной мере похожи на аналогичные процессы в США. Разница заключается лишь в том, что в США они происходили в XIX веке.

Исходя из вышесказанного, новая политическая элита и бизнес-элита постсоветских стран является элитой лишь по формальным признакам, поскольку она не пользуется авторитетом и поддержкой большей части общества (показательно, что в Украине, например, более 85% граждан согласно практически всем социологическим опросам считают, что элита является коррумпированной). Более того, значительная часть политического истеблишмента предлагает квазидемократию переходного периода, которая опасна не столько своей циничностью, сколько характеризуется рецидивами авторитаризма и «политического мессианства» независимо от пропагандистской риторики сторон. Отсутствие общественного договора в виде постоянных демократических процедур создает условия, при которых правящий класс берет от «демократии» столько, сколько нужно, чтобы гарантировано обеспечить себе контроль над политическими, информационными и финансовыми ресурсами в государстве. Как следствие, в рейтинге «интересов» транзитивных элит идеологические и национальные интересы занимают последнее место, существенно уступая личностным, бизнесово-корпоративным, партийно-организационным интересам, которые, в свою очередь, подчинены исключительно чувству самосохранения.

Реформа властных институтов ради удержания политической и экономической власти делает государственное управление заложником политической целесообразности, сориентированной на экстенсивный путь развития, который нивелирует главную функцию государственного управления – «качественное выполнение обязанностей».

В результате в Украине и Российской Федерации понятия «политика» реализуется с существенными отклонениями от упроченных оценок, принятых в мировой политической мысли. Более того, отечественные ученые часто занимались и занимаются схоластическим повторением энциклопедических дефиниций, авторы которых практически не учитывали особенности переходного периода [2, с. 170]. Отметим, что в определенной мере это было свойственно и исследователям Центрально-Восточной Европы, которые сначала просто переносили уже апробированные в Западной Европе и США схемы взаимоотношений между политической, экономической и административной элитой, гражданским обществом и государственными структурами, на поле новых государств постсоциалистического пространства.

Например, в Украине за годы независимости было сформировано однобокое восприятие «политики» как процесса и метода разработки, принятия и реализации решений определенными группами интересов в интересах этих самых групп [2, с. 170]. При этом

главную роль в этом процессе играют финансово-политические группы. Мы не будем детально останавливаться на особенностях формирования и функционирования бизнес-элиты в Украине и на постсоветском пространстве, поскольку этому посвящено отдельное монографическое исследование авторов статьи [6]. Отметим лишь, что в результате сложившаяся ситуация приводит к двум крайне опасным последствиям, которые, в частности, непосредственно влияют на способность элиты инкорпорироваться в глобальные структуры.

Во-первых, речь идет о полном отчуждении граждан (которые не принадлежат к бизнес-элите или не являются ее выдвиженцами, которые получают соответствующее финансовое поощрение) от правящей верхушки, причем не только на практике, но и в теории – в обществе формируется стереотип (с помощью СМИ, которые находятся в основном под контролем финансово-политических групп), согласно которому политика ассоциируется исключительно с деятельностью элитарной верхушки, которая состоит из крупных бизнесменов и представителей бывшей партийной советской номенклатуры. При этом навязывается мысль о том, что вхождение в верхушку представителей других слоев населения, не связанных с большим бизнесом, фактически невозможно.

Во-вторых, соответствующее восприятие «политики» ведет к фактическому приостановлению процесса формирования институтов гражданского общества. Разные научные институты, информационно-аналитические центры (государственные и негосударственные), экспертные группы, являются сугубо формальными разработчиками решений государственного характера. На практике они или выполняют заказы соответствующих финансово-политических групп, или же работают «вхолостую», т.е. их разработки, которые часто – абсолютно бесплатны, так как разрабатываются на средства разнообразных международных организаций, – представителями органов власти и местного самоуправления практически не используются.

Вместе с тем необходимо отметить, что процесс становления новой политической элиты Украины и Российской Федерации еще длится, поэтому она способна приспосабливаться к новым условиям существования и более динамично реагировать на разнообразные цивилизационные вызовы. В свою очередь политическая элита стран Центрально-Восточной Европы, учитывая интеграцию в ЕС и НАТО, вплотную приблизилась к элите Западной Европы и, частично, США, став в результате более консервативной и оказавшись в зависимости от процессов глобализации.

По мнению З. Бжезинского, элиты переходных обществ выступают в значительной мере против глобализации под руководством США, поскольку традиционно склоняются к чрезмерно централизованной системе государственного управления [1, с. 139]. Это особенно характерно и для постсоветских стран. Централизованная власть соответствует интересам этой элиты, тогда как глобализация угрожает ослаблением этой власти и снижением действенности национальных инструментов осуществления политической власти. Соответственно, восприятие инновационных методов государственного управления (в частности, формирования системы публичной политики и управления) как правило, остается чисто декларативным, а не наполненным реальными действиями. При этом «средний класс», как правило, ориентируется на американские ценности и в целом позитивно воспринимает многие политические и гуманитарные инициативы США.

Вместе с тем, такое «настороженное» отношение украинской и российской элиты к глобализации «по-американски» обусловлено еще двумя факторами. Во-первых, постсоветские элиты либо обучались (стажировались) в США, либо активно сотрудничали с американскими компаниями. Соответственно, они хорошо знают американскую систему изнутри, со всеми ее достоинствами и недостатками и достаточно хорошо понимают, какое место они смогут занять в новом формате элитных взаимоотношений (в данном контексте опыт стран Южной Америки очень показателен). Во-вторых, в экономическом плане сегодня выгоднее ориентироваться на европейский рынок, исходя хотя бы из соображений логистики, а также того факта, что роль бизнеса в европейской элите намного меньше аналогичного показателя в США. Соответственно, у элиты транзитивных государств больше шансов инкорпорироваться в новые структуры, используя свои финансово-экономические ресурсы и ту роль, которые они играют на европейских рынках.

В то же время, возможности эффективно отстаивать свои интересы в элитном круге, который формируется под влиянием США, у постсоветской элиты достаточно широки. В частности, украинские финансово-политические группы (причем как провластные, так и оппозиционные)

направления) через лоббистские организации оказывают существенное влияние на значительное количество американских сенаторов и конгрессменов, получая необходимую поддержку при принятии актуальных для себя решений. То есть, в неолиберальном обществе механизм финансового стимулирования не потерял своего значения, что позволяет влиять на глобальную элиту, непосредственно в нее не инкорпорируясь.

В целом, сегодня все системы власти: и США, и Евросоюз, и страны Азии и Африки, и постсоветские страны – претерпевают процесс концентрации капитала и всех видов ресурсов в руках корпоративных групп влияния, таких как банкиры (США и Евросоюз), олигархи-промышленники (Россия, Украина, Северная Африка – Ближний Восток) и т.д. И сейчас перед политическим истеблишментом стоит вопрос: как найти «золотую середину» между социальной ответственностью, обществом и получением прибыли корпорациями. При этом ясно, что простого ответа не существует и процесс трансформации миропорядка, формирования новой глобальной элиты еще достаточно долгое время будет оставаться одним из наиболее актуальных трендов глобального развития.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бжезінський З. Вибір: світове панування чи світове лідерство / З. Бжезінський / Пер. з англ. А. Іщенко. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – 203 с.
- 2 Камінський Є. Є. Світ переможців і переможених. Міжнародні відносини і українська перспектива на початку XXI ст. / Є. Є. Камінський. – К. : Центр вільної преси, 2008. – 336 с.
- 3 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Сб.: перевод с исп. / Сост., предисл. В. Ю. Кузнецов / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2001. – 510 с.
- 4 Пахарев А. Політична еліта. Формальна? Справжня? / А. Пахарев // Віче. – 1997. – № 11. – С. 3–14.
- 5 Телешун С. О. Хроніка становлення українських фінансово-промислових груп. За матеріалами вітчизняних та закордонних ЗМІ [Текст] : монографія / С. О. Телешун. – К. : Житомир : Центр, 2004. – 95 с.
- 6 Телешун С. О., Рейтерович І. В. Вплив фінансово-політичних груп на прийняття стратегічних рішень у сфері політики та економіки: українські реалії / С. О. Телешун, І. В. Рейтерович. – Київ – Херсон, 2008. – 152 с.
- 7 Телешун С. О. Основи публічної політики та управління : навч. посіб. / авт. кол. : С. О. Телешун, С. В. Ситник, І. В. Рейтерович та ін. ; за заг. ред. С. О. Телешуна, д. політ. н., проф. – К. : НАДУ, 2011. – 312 с.
- 8 Щербакова Ю. Политические силы чехословацкой революции / Ю. Щербакова // Международный исторический журнал. – 2000. – № 7. – С. 72–80.
- 9 Havel V. A Crying Need for Intellectuals / V. Havel // The New Presence. – 1999. – № 4. – P. 3–18.

Дата поступления статьи в редакцию журнала 12 января 2013 года